

Вальтер Марков
БАБЕФ и СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ГЕРМАНИЯ
Перевод *Л.М.Бродской*

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1961. С.136-153.

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta*, 2010

Все материалы о Бабефе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Другие работы Вальтера Маркова и материалы о нем <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#wmark>
рекомендуемые к теме материалы:

Ю.Мошковская. Отклики на процесс Бабефа в Германии

http://enlightment2005.narod.ru/papers/babeuf_mochkovskaya.pdf

Е.Волгина. Идеологическая борьба в немецкой публицистике периода Великой французской революции <http://vive-liberta.narod.ru/journal/Lit2.pdf>

К.Добролюбский. Термидорианская реакция и общественное настроение в Париже во время Термидорианской реакции по наблюдениям немцев-очевидцев http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf

С.Искюль. Революция в освещении Геттингенского «Revolutions—Almanach» http://vive-liberta.narod.ru/journal/iskul_allem.pdf

Публицистика Георга Форстера и материалы о нем <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#forst>

Стихотворения и публицистика Шубарта <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#schub>

Жорж Лефевр, глубоко изучавший историю бабувизма, в конце своей жизни в предисловии к новому изданию книги Буонарроти признался, что последнее слово о заговоре «равных» еще не сказано¹. Итоги коллоквиума в Стокгольме, посвященного Бабефу², показывают, что утверждение Лефевра справедливо и в более широком смысле: хотя проведенные в послевоенные годы исследования открыли много нового, однако нужно затратить еще немало усилий как для привлечения еще неизученных богатых источников, так и для выяснения спорных вопросов истории бабувизма.

Для охвата исторической проблематики бабувизма нам представляется полезным и необходимым изучить, так сказать, и географическое распространение бабувистских идей. В прошлые времена «Заговор во имя равенства», как и многие события революции, рассматривали как явления главным образом местного, парижского значения. Между тем распространение идей бабувизма, особенно их последующее влияние выходит далеко за пределы парижских предместий, и вовсе не ограничивается одной Пикардией.

За последнее время бабувизм стал предметом исследований в Италии, Нидерландах и, до известной степени, в Бельгии и Швейцарии. Что касается Германии, то следует сказать, что до сих пор мы встречали упоминания о бабувизме лишь в отдельных примечаниях. Возникает вопрос, действительно ли это все, что можно было бы сообщить по данному вопросу, или же в Германии существовали определенные, хотя и слабые связи между идеями Бабефа и общественным мнением, связи, которые, может быть, стоило бы исследовать.

* * *

Бесспорно, что после июльской революции и в домартовский период бабувизм благодаря появившейся в исторически поворотный момент и возбудившей всеобщее внимание книге Буонарроти (Брюссель — 1828 г., Париж — 1830 г.) оказал влияние и на немецких мыслителей: на Лоренца

¹ Buonarroti. Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf. Paris. 1957, t. I, p. 16.

² «Annales historiques de la Révolution française», 1960,

фон Штейна, впервые в Германии попытавшегося с точки зрения консерватора подвергнуть принципиальной критике идеи французского социализма и коммунизма³; на проживавших в Париже «робеспьериста» Генриха Гейне и, как нам стало известно лишь в последние годы, еще ранее на либерально настроенного Людвига Бёрне⁴; на страсбургского студента Георга Бюхнера⁵, который вскоре прославился как революционный демократ изданием журнала «Hessischer Landbote» и как драматург драмой «Смерть Дантона».

В то время, когда пролетариат только начинал обретать классовое самосознание, когда рабочие в Лионе взялись за оружие, когда Бланки и Барбес агитировали в Париже и основывали тайные общества, когда необабувизм нашел отражение в программе действий Пизакане и Мадзини и волны его докатились даже до берегов Соединенных Штатов⁶, тогда в сфере влияния бабувизма стали втягиваться и странствующие немецкие подмастерья, установившие во Франции контакт с «Союзом отверженных» (1834 г.) и «Союзом справедливых» (1836 г.)⁷. Вильгельм Вейтлинг, самый ранний из видных идеологов немецкого пролетариата, признавал, что в 30-е годы он был многим обязан учению и опыту бабувистов, хотя позднее, в Швейцарии, отошел от них и кое в чем пошел дальше.

Особый интерес представляет отношение основателей научного социализма к идеям Бабефа и «равных», с которыми они познакомились в сороковых годах. Маркс в то время мечтал написать историю Конвента⁸. Сохранившиеся выписки, составленные им в Крейцнахе (1834 г.)⁹, свидетельствуют об основательности его подготовительных работ, продолженных им затем в 1844 г. в Париже и способствовавших более близкому знакомству его с бабувизмом. На смену этим литературным замыслам пришли другие планы, однако, дискуссия, разгоревшаяся между младогегельянцами, «истинными социалистами» и анархистами, побудила Маркса, а также Энгельса выступить против Макса Штирнера, Карла Гейнца, Бруно Бауэра и Прудона и заявить о своем отношении к Трибуну народа¹⁰. В «Морализующей критике и критикующей морали» Маркс утверждал, что заговор Бабефа, описанный его другом и товарищем Буонарроти, показывает, что «эти республиканцы из исторического «движения» почерпнули то убеждение, что с устранением социального вопроса о монархии и республике ни один «социальный вопрос» не оказывается еще решенным в интересах пролетариата»¹¹.

³ Lorenz von Stein. Sozialismus und Kommunismus des zeitgenössischen Frankreichs. Leipzig, 1842.

⁴ L. Boerne. Etudes sur l'histoire et les hommes de la Révolution française, ed. par J. Dresch. Lyon — Paris, 1952, p. 146—147.

⁵ H. Mayer. Georg Büchner und seine Zeit. Berlin, 1960, S. 82—84, 103, 139, 160.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 557.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 32.

⁸ A. Cornu. Karl Marx' Stellung zur Französischen Revolution und zu Robespierre., S. 560, Anm. 13 (mit Bezugnahme auf Ruge, 1844).— В кн. «Maximilien Robespierre. 1758—1794», hrsg. von W. Markov. Berlin, 1961; см. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 601—611.

⁹ MEGA. Erste Abteilung, Bd. 1, Halbband 2, Berlin, 1930, S. 118—136. Мы находим здесь выписки из Руссо, Монтескье, Шатобриана, Лакретеля, Ранке, истории Французской революции К.-Ф.-Э. Людвига (1833) и истории французской революции В. Ваксмута (1840—1844). В берлинских (1840—1841 гг.) и боннских (1842 г.) тетрадях (там же, стр. 107—117) мы не находим упоминания работ о Франции или революции. Следует также указать («парижские») выписки Маркса из следующих работ: мемуаров Левассера из деп. Сарты, «Парламентской истории французской революции» Бюше и Ру, протоколов Конвента, газет революционного периода и сочинений самого Буонарроти.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 51, 146, 498.

¹¹ Там же, т. 4, стр. 301.

Эти высказывания говорят больше о направлении, какое приняли за это время мысли Маркса, чем об особом историческом месте бабувизма. Еще до этого, в написанном совместно с Энгельсом «Святом семействе», Маркс, как нам представляется, первый смело указал на связующую нить, идущую от «Социального кружка» через «бешеных», Теофиля Леклерка и Жака Ру к Бабефу и возникновению «коммунистической идеи». Эта цитата довольно известна, и ее охотно приводят разные авторы¹². Но до сих пор не выяснено, как пришел Маркс к этому выводу. Хотя Маркс и Энгельс и защищали от обвинения в грубости и смехотворности¹³ новые общественные идеи, оставляя за собой право их дальнейшей последовательной разработки, все же они рассматривали опыт Великой революции, включая ее последний этап, как пройденную ступень политического развития как для буржуазии, так и для пролетариата. Поэтому они ничуть не заблуждались относительно узости бабувистской системы (как всякой «искусственной» системы) и неизбежности ее крушения в тех условиях; это нашло выражение в так называемом сообщении Энгельса читателям одной английской газеты в 1843 г.¹⁴ и в великом программном документе обоих друзей в канун февральской революции 1848 г.¹⁵ Несмотря на это, мы находим высокую оценку Гракха Бабефа еще в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы»¹⁶. Маркс и Энгельс не преминули включить Бабефа в число героических предтеч и пролагателей путей социалистического рабочего

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 132: «Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабефа*, — движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом *Бабефа*, *Буонарроти*. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка».

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 559.

¹⁴ «Коммунистический заговор не удался, потому что коммунизм того времени сам по себе был весьма примитивным и поверхностным и, с другой стороны, общественное мнение не было еще достаточно развито» (Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 527). Однако в той же работе мы находим другое весьма интересное замечание: «Демократия, в конечном счете, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой... поэтому демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распастись... либо настоящее рабство, то есть неприкрытый деспотизм, либо действительная свобода и действительное равенство, то есть коммунизм. И то, и другое выявилось в результате французской революции; первое — в лице Наполеона, второе — Бабефа» (там же, стр. 526—527).

¹⁵ Манифест Коммунистической партии: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 455).

¹⁶ Уже с того времени в публиковавшихся в Германии сочинениях, посвященных бабувизму, особое внимание уделялось политической стороне дела. В 1846 г. появился «Анализ доктрины Бабефа» в анонимном переводе. В 1848 г. Э.-О. Веллер издает за собственный счет в Лейпциге под псевдонимом Макс свои «Portraits de la Révolution française», содержащие, наряду с очерками о Клоутсе и Эбере, также очерк о Бабефе (следует уточнить данные в библиографии, составленной М. Домманже в его «Pages choisies de Babeuf», Paris, 1935). В 1877 г. последователь Бакунина, Джеймс Гильом, перевел [s. l.] книгу Буонарроти «Babeuf et la conspiration des Egaux»; в 1887 г. (Геттинген — Цюрих) Эдуард Бернштейн, будущий глава социал-демократического ревизионизма, перевел работу Девиля «Gracchus Babeuf et la conspiration des Egaux», снабдив ее эпилогом. В 1909 г. (Штутгарт) социал-демократические историки французской революции А. и В. Блос перевели целиком книгу Буонарроти. В 1936 г. в Берлине вышел перевод документов, взятых Жерменой и Клодом Вилларами в Париже в «Editions Sociales» в 1951 г. Кроме того, имеется брошюра

движения. Лишь они определили место этого пикардийского мыслителя и революционера в истории и указали, чем обязано ему все передовое человечество.

В годы Великой французской буржуазной революции бабувистские идеи не получили распространения. В Германии, на правом берегу Рейна, в отличие от Италии сложилось весьма неясное и эфемерное представление как о событиях, так и о людях, игравших в бабувизме руководящую роль.

Нам не следует удивляться отсутствию не только понимания, но и простого знакомства с событиями. Оживленные связи, поддерживавшиеся в первые годы революции между «Меккой» — Парижем и Германией благодаря все более разрастающейся немецкой колонии в Париже, которая состояла главным образом из «конституционных» и «жирондистских» элементов и была в центре всех событий, почти прервались под огненным дыханием якобинской диктатуры. Клоотс, Тренк, Евлогий Шнейдер, Адам Лукс и другие кончили жизнь под ножом гильотины. Георг Форстер умер, многие покинули Париж, остальные хранили молчание. Постепенно, по мере развития военных действий коалиции, иссякли и другие источники информации из Рейнской области, Эльзаса, Швейцарии и Голландии. Сведения о событиях все более искажались разными слухами, толками и инспирированной информацией. Между тем колеблющаяся либеральная интеллигенция всех 300 феодальных отчеств «Священной Римской империи германской нации» отступила перед лицом полевения народной революции и окончательно капитулировала с началом террора. Общественное мнение изолировало немногих воинствующих демократов, за ними была установлена слежка, их преследовали. Демократические газеты в Рейнской области, Швабии, Геттингене и Готе прекратили свое существование или были запрещены; вместе с ними исчезли из поля зрения простого немецкого бюргера так хорошо знакомые ему, тайно почитаемые или открыто ненавидимые герои Конвента, Коммуны и секций. Базельский мир 1795 г. создал новую атмосферу. За это время обе партии заметно изменились. Термидорианской Франции и Франции Директории снова противостоял немецкий дуализм: императорский католический юг, продолжавший вести войну, и нейтрализованный выходом из войны Пруссии протестантский север¹⁷.

После поражения радикальных элементов в результате провала «якобинского заговора Мартиновича»¹⁸ контрреволюция и ее первые перебежчики, действуя из Вены при помощи «Augsburger Allgemeine Zeitung», одержали к югу от Майна верх. Географическим пунктом, где сталкивались обе господствующие тенденции, был Лейпциг (Саксония), главный центр ежегодных ярмарок и книжной торговли. Прусские, северо-германские связи¹⁹, традиционные французские симпатии, еще не угасшие в 1795 г., переплетались здесь с другими оживленными связями,

И. Вольтата (Бург, 1887) «Заговор Гракха Бабефа» и диссертация Г. Латцко (H. Latzko) (Тюбинген, 1914) «Бабеф и Заговор равных», не имеющие научной ценности. Отметим, что в издательстве Академии в Берлине недавно издан сборник исследований В. М. Далина о Бабефе.

¹⁷ Об общем положении см.: J. Godéchoat. La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde, 1789—1799, t. I. Paris, 1956, passim; S.-S. Viro. The German Policy of Revolutionary France. 1792—1797, t. 1—2. Cambridge, Mass., 1957, passim.

¹⁸ K. V e n d a. Les Jacobins hongrois.— «Annales historiques de la Révolution française», 1959, N 1, p. 38—60.

¹⁹ Среди издателей, нередко анонимных (или подставных лиц), лейпцигских журналов и журналов гамбургского кружка существовали тесные связи; у них имелись общие сотрудники, область распространения этих журналов не была резко разграничена и они часто помещали объявления друг о друга.

нити которых тянулись к интеллектуальным центрам Швейцарии, главным образом Цюриху²⁰, в юго-западную Германию и в австрийско-габсбургские владения.

Несомненно, что и на либеральные и на консервативные издания оказывала влияние иностранная пропаганда. Независимо от этого и «французская» и «императорская» партии представляли собой два четко сформировавшихся лагеря. Причем позиции «французской» партии, благодаря основанному в 1795 г. Л.-Ф. Губером ежемесячному журналу «Слю», уделявшему главное внимание современной французской истории, и связанному с этим журналом более объемистому «Beiträge zur Geschichte der französischen Revolution», переименованному в апреле 1796 г. в «Humaniora», были более прочными. Тем не менее после заключения Базельского мира центром обновления немецко-французских связей, которые могли бы навести нас на след Бабефа, стал не Лейпциг (этот «маленький Париж», по словам Гёте), но расположенный далеко к северу Гамбург.

Несомненно, это было не случайно. Ганзейская деловая буржуазия, будучи втянутой в имперскую войну, не испытывала по этому поводу ни малейшего воодушевления, ибо война была обременительна для нее в денежном отношении и нарушила ее торговлю, не принеся ей соответствующих компенсаций, как это имело место в случае с ее британским конкурентом. Поэтому она охотно последовала бы примеру Пруссии, хотя и по совершенно другой причине; она была жизненно заинтересована в восстановлении нормальных экономических отношений с Францией и с областями, находившимися под ее властью. От этой буржуазии нельзя было требовать, чтобы она испытывала особую скорбь в связи с поражением, которое нанес ее амстердамским соперникам Пишегрю, и установлением батавской «дочерней республики», которая, со своей стороны, усердно интриговала в Париже, столице своего великого союзника, против ганзейцев²¹. Тем более, что в Гамбурге, и не только в среде таких испытанных франкофилов как Георг Генрих Зивекинг²², поднимали порой свои голоса те, кто в данных условиях предпочитал безопасную сухопутную связь с Францией возможности примкнуть к политике Англии, политике, которую считали высокомерной и изменчивой (хотя Каспар Фогт, бывший в 1789—1792 гг. вторым главой «французской партии», склонился на сторону Англии). В конце концов победила ориентация на ведущую континентальную державу. Это подчеркивалось в 1796 г. в журнале «Neueste Staats-Anzeigen», который рассылался книжным магазином Мутценбехера без указания редакции, и хотя издатели журнала считали себя наследниками закрытого журнала «Staatsanzeigen» Шлёцера, однако фактически он был скорее связан с самой крупной немецкой газетой «Hamburger unparteyischer Correspondent»²³. Аноним «Филопатрос» в «Слове к гамбургским гражданам»²⁴ утверждал, что город имеет больше оснований опасаться французских воздушных шаров, чем английских корветов; а в одном из

²⁰ Таким образом в 1797—1799 гг. в Лейпциге была опубликована работа: E. O e l s e n e r. *Lucifer ou contributions purifiées sur la Révolution française*. Упомянем еще работу J.-R. Z s c h o c k k e. *Pèlerinage à Paris*, которая вышла в двух томах (1796, 1797 гг.) в Люрихе. Цюкккк был уроженцем Магдебурга.

²¹ Это не мешало батавскому послу в Париже Блау (Blaw) поддерживать связи с бабувистами, правда, это стоило ему карьеры.

²² H. S i e v e k i n g. G.-H. Sieveking. *Portrait d'un négociant hambourgeois pendant la Révolution française. Avec une documentation*. Berlin, 1913; *Staatsarchiv Hamburg*. Sig. 622—4. Nachlaß Georg Heinrich Sieveking. Mappe I. (u. a. Freimaurerreden Sieveking's), Mappe VIII (Geschäftsbriefe Voght und Sieveking), Mappe IX (Briefe an Sieveking. Abhandlungen von Sieveking).

²³ См. К. O b e r m a n n. *L'opinion de deux journaux allemands sur les Etats Généraux*. — «Annales historiques de la Révolution française», 1957, N 3, p. 245—254.

²⁴ «Neueste Staats-Anzeigen», Bd. I, T. 1, N 1.

следующих номеров журнала закоренелый англофоб аноним Гр... с удовольствием заявлял, что «(Франкская) республика и Пруссия, можно сказать, по необходимости союзники»²⁵. Того же антибританского курса придерживался и Август Геннингс из Альтоны в своей работе «*Beleuchtung der Grundsätze der Neutralität in gegenwärtigen Kriege, in Bezug auf Dänemark*», вышедшей в 1796 г.

Несмотря на это Гамбургский сенат оказался с дипломатической точки зрения в довольно сложном положении. Спад народного движения в Париже и затем его крах после неудачного восстания в прерииале 1795 г. облегчил, несомненно, как объективно, так и субъективно союз гамбургских патрициев со столь ненавистой Бабефу «золотой верхушкой» (*million dogé*), чему способствовала осторожная датская политика равновесия между Англией и Францией, которой придерживалась соседняя Альтона. Все же переговоры, которые вел Зивекинг в Париже о нейтрализации ганзейских городов, проходили не без затруднений²⁶, ибо их международный правовой статус оставался весьма шатким, пока император и империя продолжали вести войну. Совету «Филопатроса»: «робость — вот ваше оружие, никого не оскорблять — вот ваша политика»²⁷ можно было до известной степени следовать также и в отношении венского двора. Синдик Доорман через канцлера Петера Окса в Базеле (зять бывшего мэра Страсбурга — Дитриха) 25 июня 1795 г. передал Бартелеми, что «малым республикам, в коих не имеется дворянства и наследственной знати, и кои существуют в окружении больших и могущественных королевств, управляемых раздраженной и оскорбленной знатью, не следует слишком поспешно высказываться в пользу системы, устраняющей привилегированные классы и права наследования»²⁸. Тем самым он апеллировал к чувству классовой солидарности французской крупной буржуазии в отношении гамбургской буржуазии, которая не могла действовать так, как она хотела бы, ибо находилась в окружении могущественных феодальных сил²⁹.

Но мы не должны придавать слишком большого значения подобным утверждениям, ибо с немецкими властями изворотливые кушцы разговаривали совершенно в ином тоне³⁰. Париж также не принимал никаких срочных мер и придерживался политики медленного сближения³¹. Все же в 1795 г. швабский республиканец (в будущем наполеоновский граф) Карл

²⁵ «*Neueste Staats-Anzeigen*», Bd. I, T. 3, N 3, S. 14.

²⁶ Staatsarchiv Hamburg, Cl. VI, N 5, vol. 1, fasc. 1a. Generalia resp. Frankreich. Записи с 11 апреля по 6 июля 1796 г.; *ibidem*. Index Protocolli Senatus Hamburgensis de anno 1796, passim; см. оглавление — Франция.

²⁷ «*Neueste Staats-Anzeigen*», Bd. I, T. 3, N 3, S. 65.

²⁸ Копия в гамбургских архивах (Cl. I, Lit. P^b, vol. 89, fasc. 16).

²⁹ Интересно отметить, что буржуазный историк Адольф Вольвиль был знаком с этими документами, но не сумел оценить их классового содержания. Поэтому в своем труде «*Neuere Geschichte der Freien und Hansestadt Hamburg, insbesondere von 1789 bis 1815*» (Gotha, 1914), который благодаря собраным им материалам до настоящего времени не утратил своей ценности, он обошел эти документы молчанием.

³⁰ См. заявление синдика Матсена прусскому министру Гаугвигу от 6 ноября 1793 г. (см. Wohlwill, *op. cit.*, S. 135): «У здешнего сената имеется твердое желание по возможности щадить чувства французской нации в той мере, в какой это не противоречит обязанностям по отношению к империи, ибо французская нация может весьма сильно нам повредить, к тому же она останется, хотя каннибальской власти, надо надеяться, когда-нибудь придет конец. При столкновении же этих интересов с обязанностями по отношению к империи сенат будет держаться Германии». Правда, в ноябре 1793 г. в Париже у власти стояли еще не те, кто наживался на революции, а Робеспьер. Не этим ли объясняется эта великая «верность в отношении Германии»?

³¹ Staatsarchiv Hamburg, Generalia resp. Frankreich. Соглашение между Французской республикой и свободным имперским городом Гамбургом (11 статей) было одобрено Директорией 6 мессидора IV года (24 июня 1796 г.) и подписано Баррасом, Карно, Ребелем и Летурнёром. Гамбургский сенат ратифицировал его 11 ноября 1796 г. (копия).

Фридрих Рейнгард³² со своим секретарем, также швабским республиканцем, Георгом Кернером³³ поселился в непосредственной близости от Гамбурга, в Альтоне. Первый действовал в качестве французского представителя, правда, еще не аккредитованного, и, женившись, укрепил свои связи с кружком Реймаруса — Геннингса — Зивекинга³⁴. «Какая выгода для Гамбурга! Признание французского посланника является входным билетом на эту биржу», — читаем мы в журнале «Neueste Staats-Anzeigen»³⁵, которому хотелось бы видеть, как будет убран последний камень преткновения на пути сближения с Францией.

В это время слава буржуазного Просвещения, связанного с именем Лессинга³⁶, уже была на закате и теперь на ее небосводе сверкала имена Иоганна Генриха Реймаруса³⁷, Клопштока и переводчика Гомера, республиканца Иоганна Генриха Фосса. В более свободной атмосфере торговых центров³⁸ находили себе прибежище новые люди, заслужившие репутацию критических умов: фон Геннингс³⁹, местный житель, автор «Гения своего времени» («Genius der Zeit») и «Летописей страждущего человечества» («Annalen der leidenden Menschheit»); Иоганн Фридрих Рейхардт⁴⁰, из-

³² Относительно положения и деятельности Рейнгарда в Гамбурге см. Staatsarchiv Hamburg. Index Protocolli... 1795 и 1796. Большая биография Ланга (W. Lang. Graf Reinhard. Ein deutsch-französisches Lebensbild. Bamberg, 1896) устарела.

³³ Кернер основал в Гамбурге «филантропическое общество» по образцу созданного в Париже в секции Гравилье общества «теофилантропов» (упоминание о боге он мог пропустить, ибо и без того неверие считалось в Гамбурге дурным тоном). В 1796 г. он должен был поехать в Россию с политической миссией, но прусские власти не дали ему разрешения на эту поездку. Обстоятельства этого дела до настоящего времени еще должным образом не изучены. Ср. A. Wohlwill. Georg Kerner. Ein deutsches Lebensbild aus der Zeit der französischen Revolution. Hamburg — Leipzig, 1886.

³⁴ Staatsarchiv Hamburg. Generalia resp. Frankreich. Выписка из брачного свидетельства Карла Фридриха Рейнгарда и Христианы Фридрики Реймарус (ее мать София приходилась сестрой Августу фон Геннингсу, а Г.-Г. Зивекинг был двоюродным братом невесты).

³⁵ «Neueste Staats-Anzeigen», 1796, N 1, S. 68—69.

³⁶ Во время пребывания в Гамбурге Лессинг написал свою знаменитую «Гамбургскую драматургию» (1767—1769 гг.).

³⁷ Его отец, профессор Герман Самуэль Реймарус, друг и корреспондент Лессинга, был автором «Fragments de Wolfenbüttel» (1774—1777), изданных после его смерти Лессингом и заклеянных без всякого к тому основания как атеистические.

³⁸ «Hamburger Merkur», издававшийся прогрессивным демократом Фридрихом Вильгельмом фон Шютцем (подвергавшимся постоянным преследованиям), в 1793 г. окончательно прекратил свое существование. Не помогли и его неоднократные переименования («Niedersächsischer Merkur», «Proteus», «Manuskript für Freunde»). С другой стороны, наряду с бесцветной публицистикой («Hamburger Neue Zeitung», «Historisch-politisches Magazin von Wittenberg», «Adreß-Comptoir-Nachrichten von Büsch») Гамбург, естественно, располагал и ярко выраженной реакционной прессой, пользовавшейся большим влиянием. Упомянем «Politisches Journal» Г.-Б. фон Шираха, который имел много читателей в Петербурге и даже издавался в русском переводе в Москве.

³⁹ Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg. Nachlaß August Hennings, Bd. 1. Рукописи и переписка за 1795—1799 гг. В письме к фон Брокдорфу от 25 января 1798 г. Геннингс признается, что «он отнюдь не сторонник аристократов, но в то же время и не сторонник «бешеных» и все разрушающих фракционистов», а «сторонник умеренной партии»; Bd. 9 (Письма об эмигрантах, именно французских), Bl. 97: «Мы с Лафайетом давно были знакомы...»; Bd. 42 (Переписка с Рейнгардом за 1797—1798 гг.), в письме к Реймарусу от 24 сентября 1797 г. он упрекает Директорию в непонимании того, что «истинное величие правления заключается не в искусстве создания правительства, а в искусстве управления». Это «не конституционное правление и не свобода», в чем можно было убедиться за последние два года «анархии (заговор Бабефа.— В. М.), дерзости и слабости». На эту же тему пишет и Рейнгард Геннингсу 12 октября 1797 г.: «Три последних процесса заговорщиков свидетельствуют о неудачном стремлении держать в узде роялистов с помощью террористов и наоборот».

⁴⁰ См. A. Laquante. Un Prussien en France en 1792. Lettres inédites de J.-F. Reichardt. Paris, 1892.

дававший журнал «Frankreich»; Георг Фридрих Ребман ⁴¹, руководивший журналами «Schildwache» и «Das Neue graue Ungeheuer»; Иоганн Вильгельм фон Архенгольд, не без основания перенесший издание своего журнала «Minerva» из Берлина в более надежное место. Почти все они были активными членами масонских лож.

Жак Дроз ⁴² дал превосходное описание этого круга умеренных моралистов, преклонявшихся перед Сийесом, Ланжюинэ, Редерером и, как это ни парадоксально, в том, что касается морали, Баррасом в качестве неудавшегося героя. Тем не менее именно в этой среде мы обнаруживаем в 1796 г. интерес к Бабефу.

* * *

Естественно, что и другие органы немецкой прессы подняли большой шум вокруг процесса «равных» как скандального происшествия: часть комментаторов подчеркивала глубокую испорченность нравов, все еще характерную для Франции, другая выражала свою радость по поводу того, что «подавление заговора» избавило человечество от еще худшей участи. В этом нашли свое отражение два направления антифранцузской политики: строго легитимистское и более оппортунистическое, присущее высшей правительственной дипломатии. Если представителям первого направления казалось, что события развиваются недостаточно бурно, чтобы оправдать их надежды на гибель революции в огне порожденных ею «эксцессов», то представители второго — делали ставку на всякую упрочившуюся, «обеспечивающую порядок власть», с которой можно было бы договориться. И те и другие считали Бабефа неиспытанным судьбой испытанием, причем в любящей покой немецкой прессе явный перевес был на стороне вторых. Весьма типично в этой связи высказывание «Berliner Archiv der Zeit und ihres Geschmacks»: «Проект заговорщиков был внушен безудержной кровожадностью и жаждой убийства... предусматривалось всеобщее истребление богатых, разграбление их имущества и раздел их богатств... Благодаря своевременным мерам правительства спокойствие в Париже было восстановлено, но все же сочли необходимым заключить Бабефа и шестерых его соучастников в тюрьму Тампль» ⁴³. Лейпцигские газеты ⁴⁴ просто перепечатали послание Директории Совету пятисот, начинающееся почти теми же словами. Этим они весьма мало отличались от других немецких газет ⁴⁵.

Сообщения плохо информированных газет, часто заимствовавших друг у друга публикуемые материалы, были весьма скудными: они беспечно валили в одну кучу якобинцев, заговорщиков, чернь, анархистов и разделителей земли. Они не видели того, что отличало заговор Бабефа от других течений, и считали, что все еще не умерла всем известная старая злая змея II года.

Изучая, как освещался этот вопрос в журнале Рейхардта «Frankreich im Jahre 1796 (bzw. 1797). Aus den Briefen deutscher Männer in Paris, mit Belegen» следует соблюдать известную осторожность, но по другой причине. Правда, два подробных письма из Парижа, напечатанные

⁴¹ H. Voegt. Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik. 1789—1800. Berlin, 1955; см. его же предисловие к кн.: G. Rebmann. Hans Kiekindiewelts Reisen in alle vier Weltteile und andere Schriften. Berlin, 1958.

⁴² Jacques Droz. L'Allemagne et la Révolution française. Paris, 1949, p. 135—149, 280.

⁴³ «Berliner Archiv der Zeit und ihres Geschmacks», 1796, Bd. 2 (Juli — Dezember), S. 129, 130.

⁴⁴ 24 и 28 мая, 4 июня 1796 г.

⁴⁵ См. «Hamburger unparteyischer Correspondent», N 82, 21 mai 1796.

Рейхардтом в книге 3, № 9, за 1796 г. и в книге 4, № 3 за 1797 г., содержат много сведений и ссылок на источники. В первом письме («Графх Бабеф») есть попытка дать анализ бабувизма, используя «Tribun du Peuple», а во втором письме парижский журналист Фонтан дает обзор материалов процесса «О заговорах, замышлявшихся Бабефом, а также Вилернуа и Бротье». Однако бывший прусский музыкант и славившийся прежде в Париже капельмейстер Рейхардт, непосредственная связь которого с посланником Рейпгардом не является тайной, защищает версию, которая слишком явно совпадает с версией Директории, т. е. выражает не столько личное мнение, сколько официальную точку зрения. Главная цель этой версии — опровергнуть мнение, будто французское правительство либо слишком слабо, либо слишком зависимо от левых. При этом Рейхардт ссылается, впрочем, очень неубедительно, на уважение Директории к закону о свободе печати, что якобы свидетельствует о силе ее позиции. То же самое утверждало и само французское правительство, отвечая своим критикам в Париже, и французский министр иностранных дел не мог бы больше угодить уважаемым немецким нейтралистам. Общим сторонам поборники продолжения революции казались поборниками продолжения войны, а поборники продолжения войны — поборниками продолжения революции.

Несколько иное, более самостоятельное и продуманное освещение событий дано в журнале «Minerva», и нам кажется полезным обратиться к нему.

С мая 1796 по июль 1797 г. Архенгольц напечатал десять статей, большей частью или целиком посвященных Бабефу. Он открыл эту серию «Тезисами террориста Бабефа»⁴⁶ (12 тезисов), составленными главным корреспондентом Архенгольца в Париже. Ксавье Леон во втором томе своего труда «Фихте и его время» (Париж, 1924) указывает, что эти статьи были подписаны буквами «А» и на этом основании делает неправильный вывод, что автором этих статей был сам Архенгольц. На самом деле он был автором лишь короткого вводного комментария. «Тезисы» подписаны буквами «Сh», и нет никаких оснований полагать, что это псевдоним самого редактора. Автор, скрывающийся за буквами «Сh», другие статьи которого также печатались в «Minerva», обнаруживает такое знание подробностей, какое Архенгольц мог проявить в лучшем случае лишь в отношении значительно более раннего периода, когда он проживал в Париже. В июньском выпуске (стр. 517—520) была опубликована статья того же автора о Друэ. В июльском выпуске были помещены две французские статьи Лакретеля-младшего и Э.-Б. Куртуа⁴⁷ и одновременно начата публикация конфискованных у Бабефа бумаг (Pièces relatives à la conspiration trouvées chez Baboeuf, reconnues et paraphées par lui. 30 floreal, Paris, [an IV]), которая была продолжена в августовском выпуске⁴⁸. Публикация бумаг Бабефа сопровождалась статьей упомянутого выше анонимного автора «Сh», носившей весьма умеренный характер и называвшейся «История жизни Бабефа»⁴⁹. В октябрьском выпуске журнала мы находим исследование о движущих силах заговора, написанное Лакретелем⁵⁰ и дополненное в декабрьском выпуске статьей «Über die Besorgnisse des Tages». Упомянув о вандомском процессе только в подстрочном примечании⁵¹, Лакретель в марте 1797 г. напечатал статью, в которой провел небезынтересное типологическое сравнение заговора «равных» с заговором контр-

⁴⁶ «Minerva», 1796, Bd. II, S. 323—325.

⁴⁷ «Minerva», Bd. III, S. 1—15, 102—134.

⁴⁸ Ibid., S. 162—179, 291—324.

⁴⁹ Ibid., Bd. IV, S. 120—130.

⁵⁰ Ibid., S. 532—548.

⁵¹ Ibid., 1797, Bd. I, S. 527.

революционеров — читай последними интригами роялистов (Вилернуа и Бротье)⁵². Наконец, в июле, после казни Бабефа, которую Архенгольд обошел молчанием, он перепечатал из «*Journal des Hommes libres*» Дювалля прощальное письмо Бабефа к жене и детям от 5 прериаля V года (24 мая 1797 г.), снабдив его кратким комментарием⁵³. Все эти материалы о Бабефе, не говоря о случайных упоминаниях в других местах, составили около десяти печатных листов. Таким образом, в этом журнале, насколько мне известно, сделано больше, чем где-либо, за исключением Франции, для осведомления публики, даже если учесть, что большинство статей принадлежало перу французских, а не немецких авторов.

Отметим, что Кристоф Мартин Виланд из Веймара в своем журнале «*Neuer Deutscher Merkur*», располагавшем прекрасной информацией из Парижа, привел только одно письмо «издателю» из столицы Франции, содержащее лишь банальное замечание о том, что заговор ставил своей целью физическое уничтожение большинства членов правительства⁵⁴. Столь же поспешно разделяется с Бабефом и Эрст Людвиг Поссельт в «*Europäische Annalen*» (изд. Котта в Тюбингене). Во 2 номере журнала (стр. 146) Бабеф упоминается только один раз, как второстепенный персонаж, служивший возвышению Барраса; это было перепечатано из одной статьи журнала «*Courrier de Londres*», который, в свою очередь, заимствовал это из сочинения «*Les cinq hommes*» о пяти директорах. В № 10 журнала за тот же год Поссельт приводит цитату из «Новейшей внутренней истории Франции» Бенжамена Констана: «Существа до сих пор неизвестные, террористы... побежденные в лице Гракха Бабефа и участников восстания в Гренельском лагере» (стр. 22, 34).

Можно было бы ожидать, что И.-Э. Бистер, человек, близкий по духу Архенгольцу, в своем журнале «*Berlinische Monatsschrift*» более подробно остановится на этом вопросе, если бы этот журнал, также эмигрировавший из Берлина и располагавший самыми блестящими немецкими сотрудниками того времени, не превратился после 12 выпуска 1796 г. в бесцветное издание, принявшее название «*Neue Berlinische Monatsschrift*». Поэтому он ограничился несколько комическим замечанием, что первоисточником всех заговоров против государства является орден тамплиеров, а в третьем выпуске мы обнаруживаем в одной и той же фразе «старца горы» — главу исламской секты убийц, свергнутого в 1256 г. монголами, Жака Моле — последнего магистра ордена тамплиеров, казненного в XIV веке, и Бабефа⁵⁵.

Но наше внимание привлекает не только количество материала, публиковавшегося в «*Minerva*» и позволяющего судить об интересе к нему читателей⁵⁶, ибо в данном случае известную роль могла сыграть и конкуренция с Рейхардтом и другими издателями. Нельзя отрицать также, что журнал исходил при этом из концепции, которая не так уж ясна. С первого взгляда, например, мы не видим здесь никакого дешевого элемента сенсации, к которой, как мы уже говорили, часто прибегала пресса.

⁵² Ibid., S. 515—527.

⁵³ Ibid., 1797, Bd. III, S. 125—131.

⁵⁴ Ibid., 1796, N 10, S. 179—182.

⁵⁵ Сегодня это звучит более странно, чем в то время, когда тамплиеров часто рассматривали как родоначальников розенкрейцеров и масонов. См., например: Nic. de Bonneville. Die freien Weltbürger.— «*Minerva*», 1792, Bd. III, Juli, S. 7, где упоминается также Жак Моле.

⁵⁶ На основании материалов, опубликованных в журнале «*Minerva*» (1796, Bd. II, S. 323), можно прийти к выводу, что Архенгольд не только имел сведения, по крайней мере косвенные, о Трибуне народа и агитации общества «Пантеон» в начале 1796 г., но предполагал, что и его читатели осведомлены об этом: «Как известно (!), Бабеф... еще в марте... осмелился...».

Архенгольц не останавливается ни на аресте, ни на судебной процедуре. Историк, специалист по истории французской революции, главное внимание он уделяет сущности бабувизма. Именно этим руководствуется он при отборе материала, а не хватает первое попавшее под руку. В своих 12 тезисах парижский корреспондент журнала совсем не плохо передает сущность учения Бабефа, используя для этого афишу самого Бабефа и истолковывая его положения скорее в духе Руссо, чем в духе «анархии». О политической дистанции между Гамбургом и Парижем мы можем судить по тяжкому вздоху издателя по поводу «бесконечной развращенности»⁵⁷ этой в действительности сдержанной интерпретации формулы «всеобщего счастья». Он ломает копыта за Друэ, который, будучи «почтмейстером Варенна», нанес столь чувствительный удар монархическим чувствам Европы: «Пусть кто хочет приговаривает его к смерти; моя рука скорее отсохнет, чем подпишет подобный приговор». Его считают человеком, «который при всем своем чудачестве может импонировать своим мужеством, а бы даже сказал величием и благородством своих демократических мечтаний»⁵⁸. Видный противник Робеспьера Куртуа в своем не лишнем остроумия очерке, говоря о Бабефе, естественно, направляет свои удары главным образом против реабилитации Бабефом Робеспьера, которого он, Куртуа, казнил еще раз своим пером. Он между прочим замечает, что, наряду с Шометтом и Эбером, вероятно, и «красный священник» Жак Ру (о котором не упоминает Фонтан в своей статье, опубликованной в журнале Рейхардта в Альтоне) «завещал свой гений бабувистам». Это установление преемственности левых течений, хотя и предвосхищало в зародыше дальновидную формулу классово́й борьбы незуита Баррюеля в его воззвании, призывавшем к объединению всех имущих (которое, *mirabile dictu*, также было издано в Гамбурге Пьером Франсуа Фоме)⁵⁹, все же требовало от ганзейцев значительного напряжения мысли.

* * *

Все сказанное выше вызывает много вопросов, и прежде всего вопрос о том, какую цель преследовал Архенгольц этой серией статей? Строго говоря, мы не знаем этого, ибо он ничего не говорит о своих мотивах, но мы можем позволить себе сделать некоторое заключение, не противоречащее провозглашенной им в 1792 г. позиции беспристрастного наблюдателя⁶⁰.

⁵⁷ «Minerva», 1796, Bd. II, S. 323.

⁵⁸ Ibid., S. 519—520.

⁵⁹ «Abrégé des mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme». t. 2, Hambourg, 1801, p. 229: «Борясь против собственников старого порядка, первые якобинцы призывали на помощь массы. Они заявили им, что все права теряют силу перед силой народа, но сегодня массы видят, что вся их собственность оказалась в руках их вожakov. Неужели вы думаете, что они будут спокойно смотреть, как пользуются благами, обещанными им, добытыми их руками, но от которых им ничего не уделили?... Они заявляют, что не для того лишили этих благ первоначальных собственников, чтобы их заменили другими. Они возлагают на Бабефа...».

⁶⁰ См. «Minerva», 1792, Bd. I, N 1, S. 2—3 (написано в Париже): «...сообщать о последствиях происшедших здесь удивительных перемен и о тех, которые еще произойдут... дать возможность прочесть о народе, который одним ударом изменил не только форму государственного правления, но и законы, религию, буржуазное устройство, предрассудки и нравы и словно совершенно новый, но высоко культурный народ вступил на мировую арену. Необозримый материал для заметок, с которыми я не хотел бы, однако, спешить; вообще я буду стремиться оставаться по возможности беспристрастным». Примерно то же самое он пишет в июльском номере журнала после своего отъезда из Парижа («Minerva», Bd. II, N 2, S. 525): «...Периодически правдиво описывать это непрерывно меняющееся положение» («Minerva», Bd. III, Juli, S. 179—182).

Этот почитатель олигархического британского либерализма и парламентаризма не мог испытывать никаких симпатий к коммунизму, эгалитаризму или к истинной демократии. Он был приверженцем Лафайета и Учредительного собрания; для него приход к власти крайних начался уже с победы жирондистов, при появлении которых он с разочарованием покинул свой парижский наблюдательный пост. В соответствии с этим Трибун народа расценивается издателем «*Minerva*» как паглый «бешеный» и террорист, прояска которого следует положить конец⁶¹. Архенгольд не восхваляет и Директорию. В противоположность Рейхардту, он несколько резко замечает, что в момент, когда грозит серьезная опасность⁶², Директория, естественно, не может без конца считаться с действующим законом о печати. В тех тяжелых цензурных условиях, в которых находилась немецкая публицистика, такое заявление было отнюдь не безопасной данью «реалистической политике». Итак, этот историк среди публицистов, завоевавший европейскую известность как автор «Истории семилетней войны в Германии»⁶³, все же правильно оценил значение бабувизма и против своей воли должен был отдать ему должное. Он понял, конечно, только до известной степени, что это не просто последняя вспышка движения якобинцев или санкюлотов, а «неслыханное» и притом «возмутительное» учение, которое, однако, следует, по его выражению, причислить к «удивительнейшим продуктам революции»⁶⁴. Озадаченный этим, он чувствовал необходимость не только осведомлять читателей об этих событиях, но и разобратся в них самому, а также помочь разобратся другим.

О том, как были восприняты эти сообщения, мы можем прочитать не у кого иного, как у Клошток на страницах того же журнала: «Прежде наибольший ужас у меня вызывала та война, которую вели ради разрешения вопроса о том, будут ли счастливы люди по ту сторону могилы? Ныне подобный же ужас вызывает у меня каждая кровоточащая рана, каждый умирающий во имя разрешения вопроса о счастье по эту сторону могилы»⁶⁵. Это говорит разочарованный просвещенный космополит, видевший смысл революции только в гражданских свободах и внезапно узревший перед собой разверзнутую революцией социальную бездну между богатым и бедным, имущим и неимущим, бездну, через которую словами моста не перекинешь.

Тем самым Клошток опередил гамбургскую буржуазию, а также ее «поэтов и мыслителей»⁶⁶. В связи с этим возникает вопрос, можно ли вообще в данном случае привести к одному знаменателю оседлых купцов и приезжих литераторов? Или, иначе говоря, не оказался ли Гамбург чисто случайно тем местом, где печатались подобные вещи?

⁶¹ «*Minerva*», 1796, Bd. II, S. 323.

⁶² *Ibidem*.

⁶³ J.-W. Archenholz. *Geschichte der Siebenjährigen Krieges in Deutschland*, Berlin, 1789. Кроме того, Архенгольд написал «*England und Italien*» (Leipzig, 1785) и «*Annalen der britischen Geschichte*» (Mannheim, 1789).

⁶⁴ «*Minerva*», 1797, Bd. III, S. 125—127.

⁶⁵ *Ibid.* 1796, Bd. III, S. 395—396: «Солнце и земля». В 1790 г. в оде «Она — а не мы» Клошток следующими словами приветствовал отказ Учредительного собрания от захватнической войны: «И даже отвратительнейшее из всех чудовищ — война — посажено на цепь».

⁶⁶ Что касается Гамбурга, то это не так легко разграничить. Зивекинг, Фогт, Геннингс, Цигенхаген, Реймарус и т. д. занимались, правда, литературой, но были в то же время деловыми людьми и их деятельность приносила им немалый доход. Несмотря на это, их «сенаторский» республиканизм (конечно, в понимании деловой буржуазии) носил весьма серьезный характер. Это объясняется особым положением свободной ганзейской коммуны, которая выступает уже на (капиталистическом!) мировом рынке. См. Staatsarchiv Hamburg, Sig. 622—1. *Die Familie Sieveking. Nachlaß Georg Heinrich Sieveking*. Mappen I, VIII, IX.

Взвесив все за и против, мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Исход немецких франкофилов в Гамбург и Альтону был, по нашему мнению, не случаен. Это был один из этапов того пути, по которому пошла имущая и образованная буржуазия, стремившаяся под влиянием французского примера к антифеодалному преобразованию общества и в немецких землях, но оставшаяся на чеку и опасавшаяся его чрезмерного размаха. Она хотела избежать тех затруднений, которые новый господствующий класс Франции лишь после 9 термидора сумел переложить на плечи народных масс. Поэтому как биржа, так и печать, как чрезвычайно умеренная немецкая буржуазия, так и столь же умеренные писатели хотели уяснить себе итоги революции, не приукрашивая их. Вполне естественно, что Гамбург стал центром и очагом подобных устремлений как местных жителей, так и «сторонней публики».

Само собой разумеется, что в ганзейском городе это отнюдь не приводило к смягчению классовых противоречий, которые выражались в различном образе действий Совета, буржуазии и трудового населения. Если в начале революции волнения цехов и «демократическая волна», захлестнувшая массы, обеспокоили сытых бюргеров, то в 1796 г. торговая депутация пренебрегла консервативными колебаниями Сената и проявила инициативу, направив в Париж Зивекинга⁶⁷. Буржуазия защищала лозунг «торговать со всеми без всяких исключений будь то друзья или враги». Ради этого агент Фридрих Иоахим Шлютер непрерывно с 1793 г.⁶⁸ оставался один на своем посту в Париже «in partibus infidelium», не обращая внимания на политику. Сам Зивекинг находился в Париже, когда был раскрыт «заговор» Бабефа⁶⁹, причем он настолько был занят своими сделками (одно ходатайство Жозефины Богарне, только что ставшей женой Бонапарта, обошлось ему в такую «безделицу» как 600 луддоров), что, по-видимому, не обратил на него внимания. В его письмах домой речь идет исключительно о деньгах⁷⁰.

Напротив, перед духовным взором публицистов представлял не только сулящий прибыль лес мачт на Нижней Эльбе, жизненной артерии Гамбурга, но вся Германия, та Германия, о которой они могли говорить и то с трудом, лишь отсюда, из Гамбурга, где еще в 1798 г. мы встречаем в качестве председателя филантропического общества такого деятеля, как Леонар Бурдон⁷¹, из города, где они формулировали взгляды и воззрения, которые на практике можно было согласовать с интересами «порядочных людей» и «важных особ», как их называли в народе⁷². Естественно, что

⁶⁷ Staatsarchiv der Freien und Hansestadt Hamburg. Generalia resp. Frankreich. 7 und 9. März 1796.

⁶⁸ Staatsarchiv der Freien und Hansestadt Hamburg, Cl. VI, N 5, Vol. 4a, Fasz. 1b, Rats-Protokoll-Extrakt. Agenten und Ministerresidenten in Paris 1744—1809. Inval. 8. Schlüter 1793—1801.

⁶⁹ Согласно «Generalia resp. Frankreich» от 11 апреля 1796 г., он прибыл в Париж 31 марта; 6 июля он сообщил о подписании условий.

⁷⁰ «Generalia resp. Frankreich» начиная с 18 апреля 1796 г. Index Protokoll... 1796, S. 120 vom 20.IV bis S. 237—239 vom 27.VII 1797, passim; ibidem. Sig. 622—1. Die Familie Sieveking. Nachlaß Georg Heinrich Sieveking.

⁷¹ Staatsarchiv der Freien und Hansestadt Hamburg. Cl. VI, N 5, vol. 6, Fasz. 3. Das Verhältnis Hamburgs zu Frankreich 1796—1799. Составлено архивариусом в 1846 г. Леонар Бурдон должен был взыскать платежи, но в то же время он занимался пропагандой среди живущих в Гамбурге французов; он хотел объединить французов, т. е. сделать как прежних, так и новых эмигрантов республиканцами. У гамбургского Совета возникли «опасения», и он поторопился заплатить, чтобы избавиться от казавшегося ему опасным представителя. Незадолго до этого в Гамбурге проживал яacobинский генерал Ламарк, которого очень уважал Бабеф (похороны генерала в 1832 г. послужили сигналом к восстанию в Париже, описанному Виктором Гюго в «Отверженных»).

⁷² Ф. Вентури (F. Venturi, L'illuminismo nel settecento europeo, в кн.: Comité International des Sciences Historiques. XIe Congrès International des Sciences Histo-

для всех этих людей статьи о Бабефе представляли собой не литературу, возвышающую душу, а нечто вроде цита с предостерегающей надписью.

Возможно, что Бабеф нашел в Германии и более восприимчивого читателя. Ксавье Леон указывает на Фихте⁷³. В настоящее время в связи с подготовкой нового издания сочинений Фихте молодые ученые стараются идти по этому пути⁷⁴. «Ясно, что отныне только Французская республика может быть родиной честного человека», — еще в 1799 г. бесстрашно писал не знающий уступок философ в своем письме к Юнгу⁷⁵. Заключают ли в себе «драгоценнейшие надежды человечества», которые, по мнению Фихте, поддерживала революция и «которые Франция еще хранит»⁷⁶, также идеи Бабефа, определенное влияние которых можно уловить как в его «Основах естественного права» (1796 г.), так и в «Замкнутом торговом государстве» (1800 г.)? Этот вопрос мы вынуждены оставить без ответа. Благодаря своим швейцарским друзьям Фихте смог в 1795 г. получить «Tribun du Peuple» и, конечно, вынес из этого чтения определенное впечатление. С другой стороны, сопоставляя аналогичные места из публикаций бабувистов и произведений Фихте за 1795—1800 гг. нельзя сделать никаких точных выводов, ибо вполне возможно, что обе стороны совершенно самостоятельно шли одним и тем же путем, обращаясь к общим предшественникам, в первую очередь, само собой разумеется, к Руссо, а также к различным социальным утопиям конца столетия. Но тогда мы запутаемся в непроходимых дебрях теорий зависимости и литературных предшественников, что совершенно не желательно. Еще менее согласны мы с выраженным в безусловной форме суждением Жоржа Влашо⁷⁷, который считает, что вопрос этот может быть разрешен весьма просто на том основании, что «особый дух французской революции недоступен немецкому духу Фихте». Вместо этого следует указать на одно обстоятельство, которому подчас не уделяют внимания.

К вопросу о том, насколько немецкое общество и литература были подготовлены к «столкновению» с идеологией Бабефа, или насколько они должны были быть беспредельно встревожены этой идеологией, следует подойти по-разному.

С одной стороны, историческое превосходство уже созревшей западной буржуазии — голландской, английской и французской — по сравнению с немецкой было, естественно, столь же разительно и несомненно⁷⁸, как и более высокий уровень их социологов и утопистов. Когда последние нападали не только на феодальную, но и на буржуазную собственность и вообще на собственность как таковую, они уже предвидели такое развитие буржуазного общества, в результате которого выступают наружу присущие этому новому обществу имманентные, внутренние противоречия. Поэтому

riques, Rapports IV. Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1959, p. 106, et suiv.) сомневается в подобном единомыслии, и в частности в непосредственной связи между «деловой буржуазией» и интеллигенцией в эпоху Просвещения и в период революции. Само собой разумеется, не следует схематизировать и превращать в догму связь какого-либо класса со своими идеологами, на что неоднократно указывал Маркс, но независимо от этого следует учитывать, что деловые круги и интеллигенты в большей части Европы, а также в Гамбурге были связаны тесными организационными узлами, например масонскими ложами, списки членов которых до сих пор еще недостаточно изучены с социальной точки зрения.

⁷³ F. Venturi. Op. cit., p. 101—116.

⁷⁴ См. M. Bühr. *Jakobinisches in Fichtes ursprünglicher Rechtsphilosophie* — в кн.: «Maximilien Robespierre», p. 479—503.

⁷⁵ J.-G. Fichte. *Briefwechsel. Kritische Gesamtausgabe, ges. u. hrsg. von Schultz*. Leipzig, 1925, Bd. II, S. 100.

⁷⁶ *Ibid.*, S. 100.

⁷⁷ Цитируется по кн.: J. Droz. *L'Allemagne et la Révolution française*, p. 280, Anm. 3.

⁷⁸ J. Streisand. *Deutschland 1789—1825*. Berlin, 1959. S. 49.

не может быть и речи о том, что во времена старого порядка немецкая социальная критика могла достигнуть таких глубин, каких достигли Дешан, Морелли, Мабли, Буассель или Бабеф дореволюционного периода; выросшая на почве немецкой действительности, она не доросла политически даже до Руссо и Дидро. Это совершенно естественно привело к проникновению «потока идей» из Франции в Германию. Немецкие авторы, в тех случаях, когда они решались возводить здание будущего общества, все без исключения следовали иностранному, преимущественно французским «образцам». В кульминационный момент революции это резкое различие уровней простирает еще явственнее.

Но, на наш взгляд, это не означает, что продукция радикального крыла немецкого Просвещения представляет собой исключительно переработку французского или английского импорта.

Германия, особенно в начавшийся с 1763 г. «мирный период», достигла заслуживающих внимания успехов в области духовного развития; эти успехи далеко опередили ее экономический и особенно политический рост⁷⁹. Это противоречие породило своего рода литературную революцию «бури и натиска» и критическую философию Канта; несомненно, что подобно поэзии и философии подъем немецкой музыки, получившей мировое значение, являлся косвенным (единственно возможным тогда) проявлением буржуазного самоутверждения⁸⁰. Не следует также недооценивать многообразие форм немецкой буржуазной общественной критической мысли у Эдельмана, Мозера, Книгге, Шубарта, Шлёттера, Бардта и, наконец, у Георга Форстера. Ее развитие зашло настолько далеко, что представители этого направления абстрактного мышления пережили «болезненное удивление», когда революция вместо того, чтобы совершиться в Германии, как они этого ожидали, произошла во Франции⁸¹.

Правда, все это никоим образом не ведет к Бабефу, а в лучшем случае лишь к некоторым предшествовавшим ему этапам. Но благодаря историческому чутью Ю. Мошковой⁸² несколько лет назад нам стали известны более точные данные о том, что в Германии в эпоху революции также были созданы подлинно социальные утопии (Г. Штейнер даже говорит о «социалистических» утопиях, что *grosso modo* может быть и соответствует истине⁸³) — программные сочинения, политическая связь которых с событиями 1792 г. неоспорима.

⁷⁹ См. G. Schilfert. Deutschland 1648—1789. Berlin, 1959, S. 120.

⁸⁰ Архенгольд выступал также в защиту немецкой педагогики: «Немцы... были первыми, кто занялся реорганизацией своей системы воспитания, и теперь, по истечении двадцати лет, можно сказать, что они добились удивительных успехов в трудном искусстве создания настоящих людей...». В том же послании Национальному собранию от 4 апреля 1792 г. он обращает внимание Собрания на то, «что в области наук сокровища немецкой литературы открывают перед французами столь же богатый, сколь и неизвестный им кладезь премудрости...».— «Minerva», 1792, Bd. II, S. 437—439.

⁸¹ Обратимся снова к оде Клоштока «Они — а не мы» и мы услышим, как поэт горестно сетует:

«О, моя родина, не ты достигла вершины свободы,
Не ты явила пример соседним народам;
То была Франция! Не ты удостоилась самой высокой чести,
Не ты сорвала священный цветок бессмертия!»

В этих строках, свидетельствующих об обманутых ожиданиях Клоштока, порожденных переосмысленной литературной антифеодалной оппозиции, нашли отражение распристрастные тогда в Германии настроения.

⁸² Ю. Мошкова. Две забытые немецкие утопии XVIII века.— «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 90 и сл.

⁸³ См. C. W. Frölich (1759—1828). Über den Menschen und seine Verhältnisse. Berlin, 1960, S. XIII.

Естественно, что берлинский трактат Карла Вильгельма Фрѐлиха «О человеке и условиях его существования»⁸⁴, равно как и гамбургское сочинение Франца Генриха Цигенхагена⁸⁵ (как по названию, так и по содержанию столь же обстоятельное, сколь и трудно понимаемое) свидетельствовали о том, что критическое сознание современной им немецкой «левой» имело еще довольно скромную сферу влияния и было весьма незрелым. Оба филантропа были терпеливыми сторонниками «мирной революции» посредством воспитания, несколько сентиментальными дейстами протестантской чеканки. Как это было свойственно эпохе просвещенного абсолютизма Иосифа II, они уловали на мудрость государей, мечтая заинтересовать и привлечь их к выполнению своих планов, которые должны были обогатить человечество⁸⁶. Ни в этом, ни в изображении агалитарного в духе Руссо «земного счастья» они не были оригинальны — в их произведениях ясно чувствуется влияние французских образцов, а также масонских идей, поэтому их голоса остались почти не услышанными⁸⁷.

И все же если они прозвучали в двух самых крупных промышленных городах Германии именно в I году Республики, то конечно не из чистой любви к писанию или даже списыванию. Они выросли на почве немецкой действительности, немецких невыносимых условий, которые они хотели бы изменить, правда, не с помощью демократических средств, но все же с демократическими целями. И хотя оба автора — зажиточные бюргеры, они отличаются от массы своих соотечественников-франкофилов тем, что в их работах представлена Германия не только имущих и образованных слоев, но и простого люда (бранденбургских крепостных и ютящихся в гамбургских подвалах бедняков, «зарейнских санкюлотов»)⁸⁸, что их интересует не только «равенство в правах», но отчасти и хорошо нам известное «фактическое равенство», «народное равенство», причем им даже близка идея «общности имуществ»⁸⁹.

⁸⁴ C. W. Frölich. Über den Menschen und seine Verhältnisse, Berlin, 1792. Существование второго издания (Берлин, 1800) не доказано; часть перепечатана Эдуардом Бернштейном в «Documente des socialismus», t. I, Berlin, 1902. Кроме нового издания Г. Штейнера, см. также написанную им биографию Фрѐлиха (которая приобрела новый интерес благодаря открытию Ю. Мошковой). G. Steiner. Der Traum vom Menschenglück. Leben und literarische Wirksamkeit von Carl und Henriette Frölich.

⁸⁵ F.-H. Ziegenhagen. Lehre vom richtigem Verhältnis zu dem Schöpfungswerken und die durch öffentliche Einführung derselben allein zu bewirkende allgemeine Menschenbeglückung. Hamburg, 1792, 633 S. Второе издание под названием «Physiologia», Hamburg, 1794. Третье издание Braunschweig, 1799. Цигенхаген родился в 1753 г. в Страсбурге в семье немецкого купца; впоследствии он управлял суконной фабрикой в Седане и занимался, кроме того, торговой деятельностью в Гамбурге. По возвращении во Францию он основал в Штейнгаде близ Страсбурга «утопическую» колонию, разорился и в 1806 г. покончил с собой.

⁸⁶ F.-H. Ziegenhagen. Lehre vom richtigem Verhältnis... Предисловие: «Любовь к людям и отцовская нежность побудили меня издать эту книгу. Она отчасти должна заставить мудрых государей и просвещенные университеты ввести преподавание учения об условиях существования...». В 1792 г. Фрѐлих был более тверд в этом отношении, но позже он несколько смягчился.

⁸⁷ Относительно отзывов рецензентов, в том числе Книгге, см.: G. Steiner. Der Traum vom Menschenglück. О жизни Цигенхагена и о его опыте с колонией в Эльзасе, представлявшей собой нечто среднее между общиной моравских братьев (также идеализируемой Фрѐлихом) и примитивным фаланстером, пока нет никаких исследований.

⁸⁸ Ни Фрѐлих, ни Цигенхаген не были «ораторами», «вожаками» или «народными вождями»; народ не знал об их существовании, и их «единение с народом» было чисто абстрактным. Поэтому едва ли можно утверждать, что они были представителями народа, выражавшими определенные его требования. Но они правильно разоблачали существующие порядки и боролись против них в интересах народа.

⁸⁹ Форстер возражал (G. Forster. Sämtliche Schriften, Bd. IX. Leipzig, 1843, S. 56) именно против «политических идей об общности имуществ» Фрѐлиха. Но и Цигенхаген (которого Форстер едва ли знал) писал (3 изд., стр. 595): «Недвижимая собственность едина, и каждый член общества управляет одной ее частью; дежное имущество хранится в одной кассе, наличность которой всем известна».

Хотя в Германии не все понимали идеологию Бабефа, нельзя сказать, что о ней ничего не было известно. Дальнейшие поиски в этом направлении вполне возможны.

Но то, что резко отличало активного революционера Бабефа от поэтических прожектеров или тихих мечтателей, по крайней мере на первых порах было умалено его неудачей. Но причина полного осуждения, уготованного ему в Германии, как и причина осуждения его «предшественников» — Фрёлыха и Цигенхагена⁹⁰ была, вероятно, более глубокой.

В эпоху «Ксений» Шиллера и «Германа и Доротеи» Гёте Германия, как и Франция Бонапарта, уже полностью отошла от революции. Тех, кто вместе с Робеспьером поднялись в 1793—1794 гг. на вершину «Горы» (причем большинство подобно кенигсбергскому философу⁹¹ в закрытой на ключ комнатухе), можно было пересчитать по пальцам⁹². Кто же мог пойти дальше?

Бумажная война трактатов и плакатов, наводнявших Германию в первые годы революции, окончилась. Корреспонденты Страсбурга и Майнца перестали интересоваться союзом с массами — республика нуворишей гораздо больше была заинтересована в завоевании рынков, кроме того, она становилась вполне светской. Немецкие крестьяне и ремесленники, принимавшие в 1789—1793 гг. на всем пространстве от Саара до Силезии широкое участие в движении, ныне оставались глухи; они потеряли всякую надежду на этих миссионеров из Галлии. А без решительного народного резонанса голоса отдельных глашатаев, будь то немцы или французы, терялись вдаль.

Мы имеем яркий пример подобного явления: вербуя людей для участия в заговоре, Буонарроти стремился завязать связи не только в Италии, но и в Германии, используя, несомненно, свое видное положение в среде радикальных масонов. На этот раз он обратился не к ганзейцам, а в южную Германию, область Вейсгаупта и его овеянных легендой иллюминатов и филаделффов, с которыми поддерживал связь и Бонвиль, основатель социального кружка («Cercle social»). Разве на собраниях масонов в Вильгельмсаде в 1792 г. они не добавили уже к «Свободе и Равенству» также и «Братство»?⁹³ Нам до сих пор неизвестно, чем закончилась попытка Буонарроти установить связи; очевидно, ему не удалось добраться до адреса. Но этот эпизод показывает, что бабувисты уже знали кое-что о «другой» Германии и что эта Германия в действительности была еще совершенно бессильной.

Однако «идею нового мирового порядка»⁹⁴, прозвучавшую в Гамбурге, но в то время неизбежно не получившую явного отклика, вновь принесли в Германию классики марксизма. Они видели в Бабефе защитника зарождавшегося пролетариата, поняли его историческую трагедию и значение

⁹⁰ Оба они еще писали после 1796 г., но Фрёлых совершенно не касался общественно-политических проблем, а в издании труда Цигенхагена 1799 г. нет никакого следа идей бабувизма.

⁹¹ См. I. Kant, Zum ewigen Frieden. Königsberg, 1796; D. Cantimori. Eine literarische Parallele zwischen Kant und Robespierre. В кн.: «Maximilien Robespierre», p. 519—527.

⁹² Мы не можем не напомнить о том, что многие историки, особенно западно-германские, и по сей день довольно далеки от понимания этого. Иначе невозможно понять высказывание одного гейдельбергского профессора, который считает, что «случай Гитлера как в личном, так и в историческом плане подобен случаю Робеспьера и Наполеона», и объясняет это «сочетанием гипертрофированной моноμανии с фанатическим утопизмом и предрасположением к совершению любого преступления, кажущегося полезным для удовлетворения первых двух элементов». См. J. Kühn («Historische Zeitschrift», Bd. 191, München, 1960, N 2, S. 360).

⁹³ Haus- Hof- und Staatsarchiv. Wien, Kabinettskanzlei. Vertrauliche Akten, fasc. 76.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 132.

крестного пути эгалитарного коммунизма, каким является бабувизм, а также оценили учение о революционной диктатуре как ступени, ведущей к построению боевой, проникнутой классовым самосознанием рабочей партии, в том числе и в Германии. Возможно, что если бы мы спросили Архенгольца, он согласился бы с тем, что история иногда позволяет себе подобные поправки в отношении своих цензоров.